

**Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и
основных свобод человека
№ 1 (2023)**

Содержание

В сфере административно-правовых отношений..... 2

ношение религиозной одежды в общественных местах..... 2

практика Комитета ООН по правам человека..... 2

Дело «Наима Мезуд против Франции». Соображения Комитета по правам человека от 14 марта 2022 года. Сообщение № 2921/2016. По мнению Комитета, запрет автору сообщения посещать курсы повышения квалификации в головном платке представляло собой ограничение ее свободы религии в нарушение статьи 18 Пакта. Комитет также пришел к выводу, что применение судами Франции законоположений к автору, как к мусульманке, сознательно носящей головной платок, представляло собой дифференцированное обращение. Установив, что такой запрет не был предусмотрен законом и не направлен на достижение какой-либо законной цели согласно Пакту, Комитет резюмировал: такое дифференцированное обращение не было направлено на достижение законной цели во исполнение положений Пакта и не соответствовало критериям разумности и объективности. Комитет пришел к заключению: отказ в допуске автора к ее учебным занятиям в случае ношения ею головного платка представлял собой перекрестную дискриминацию по признакам пола и религии в нарушение статьи 26 Пакта..... 3

вопросы административного выдворения..... 9

практика Комитета ООН против пыток..... 9

Дело «Т.Б. против Швейцарии». Решение Комитета против пыток от 22 апреля 2022 года. Сообщение № 862/2018. Комитет установил, что у заявителя имелись все возможности для обоснования и уточнения своих жалоб на национальном уровне, но представленные им аргументы не позволили национальным органам прийти к выводу, что по возвращении в Эфиопию его могут подвергнуть пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Кроме того, заявитель не доказал, что органы власти государства-участника не провели надлежащего расследования в отношении его утверждений. С точки зрения Комитета, высылка заявителя в Эфиопию государством-участником не будет представлять собой нарушения статьи 3 Конвенции..... 9

В сфере семейно-правовых отношений..... 13

вопросы реализации судами положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей от 25 октября 1980 года 13

практика Комитета ООН по правам ребенка 13

Дело «Н.Е.Р.А. против Чили». Соображения Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года. Сообщение № 121/2020. По мнению Комитета, решение Верховного суда Чили о возвращении Х.М. (сына автора сообщения) в Испанию во исполнение положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей не соответствовало условию, вытекающему из его права на первоочередной учет его наилучших интересов, в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23..... 13

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно подпункту «b» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

ношение религиозной одежды в общественных местах²

практика Комитета ООН по правам человека³

¹ В рамках настоящего обзора понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека.

² **Для сведения:** в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на свободу мысли, совести и религии*. Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/27658/.

³ Комитет ООН по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту.

Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Дело «*Наима Мезуд против Франции*». Соображения Комитета по правам человека от 14 марта 2022 года. Сообщение № 2921/2016⁴. По мнению Комитета, запрет автору сообщения посещать курсы повышения квалификации в головном платке представляло собой ограничение ее свободы религии в нарушение статьи 18 Пакта. Комитет также пришел к выводу, что применение судами Франции законоположений к автору, как к мусульманке, сознательно носящей головной платок, представляло собой дифференцированное обращение. Установив, что такой запрет не был предусмотрен законом и не направлен на достижение какой-либо законной цели согласно Пакту, Комитет резюмировал: такое дифференцированное обращение не было направлено на достижение законной цели во исполнение положений Пакта и не соответствовало критериям разумности и объективности. Комитет пришел к заключению: отказ в допуске автора к ее учебным занятиям в случае ношения ею головной платки представлял собой перекрестную дискриминацию по признакам пола и религии в нарушение статьи 26 Пакта.

Правовые позиции Комитета: как указано в пункте 4 принятого Комитетом по правам человека Замечания общего порядка № 22 (1993) по статье 18 Пакта о праве на свободу мысли, совести и религии, свобода исповедовать свою религию включает в себя ношение отличительной одежды или головных уборов. Он отмечает, что ношение платка, полностью или частично скрывающего волосы, является обычной практикой для большого числа мусульманских женщин, которые считают его неотъемлемой частью проявления своих религиозных убеждений (пункт 8.3 Соображений).

Комитет напоминает, что, как отмечается в пункте 8 его Замечания общего порядка № 22 (1993), положения пункта 3 статьи 18 должны толковаться строго: не признаются никакие основания для установления ограничений, кроме тех, которые конкретно предусмотрены, даже если такие ограничения разрешаются в отношении других прав, защищаемых Пактом, в частности, по соображениям государственной безопасности. Ограничения могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть ей соразмерны. Ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом (пункт 8.4 Соображений).

Ограничения должны предусматриваться или устанавливаться законом⁵. Соответствующая норма, информация о которой должна быть доступна широким слоям населения, должна быть сформулирована достаточно четко, с тем чтобы дать лицам возможность соответствующим образом следить за своим поведением, и не должна наделять лиц, которым поручено ее осуществление, неограниченными или крайне широкими дискреционными полномочиями⁶ (пункт 8.5 Соображений).

⁴ Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждала, что было нарушено ее право на образование в соответствии со статьей 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, поскольку ей было отказано в доступе к профессиональной подготовке из-за того, что она исповедует ислам. Автор также утверждала, что отказ разрешить ей проходить обучение в головном платке представлял собой нарушение ее права свободно исповедовать свою религию в соответствии со статьей 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. По мнению автора сообщения, приведенные выше меры ущемляли ее свободу исповедовать свои религиозные убеждения (пункты 3.1 – 3.3 Соображений).

⁵ См. Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 37 (2020), п. 39.

⁶ Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 34 (2011), п. 25.

В связи с требованием о том, что ограничение должно считаться необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц в соответствии с пунктом 3 статьи 18 Пакта, Комитет напоминает, что согласно пункту 8 его Замечания общего порядка № 22 (1993) ограничения должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть ей соразмерны (пункт 8.9 Соображений).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 18 (1989) о недискриминации, где в пункте 7 дискриминация определяется как любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, которое основано на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства и которое имеет целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления всеми лицами на равных началах всех основных прав и свобод человека. Комитет напоминает, что нарушение статьи 26 Пакта может быть результатом дискриминационных последствий каких-либо постановлений или мер, которые на первый взгляд нейтральны и не направлены на дискриминацию. Тем не менее какое-либо различие по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства, как это указано в Пакте, не является дискриминацией, если оно основано на разумных и объективных критериях и направлено на достижение законной цели (пункт 8.12 Соображений).

Комитет напоминает, что по одному из дел он уже приходил к заключению, что запрет на ношение явной религиозной символики может представлять собой перекрестную дискриминацию по признакам пола и религии. Комитет напоминает – он уже выражал свою обеспокоенность по поводу того, что усугубляющее воздействие, оказываемое Законом от 15 марта 2004 года⁷, выражающееся в ощущение отверженности и маргинализации среди определенных групп населения, может идти вразрез с поставленными законными целями⁸ (пункт 8.13 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: отмечено, что государство-участник не оспаривало – ношение автором головного платка

⁷ Законом от 15 марта 2004 года № 2004-228, регулирующим в соответствии с принципом светскости порядок ношения знаков и одежды, демонстрирующих религиозную принадлежность, в начальных, средних и старших классах государственных школ, запрещается учащимся государственных учебных заведений носить знаки, явно демонстрирующие религиозную принадлежность.

⁸ ССРР/С/ФРА/СО/5, п. 22. «Комитет выражает свою озабоченность в связи с ограничением ношения в государственных учебных заведениях религиозной символики, квалифицируемого как «демонстративное» (закон № 2004-228), и запрета на скрывание лица в общественных местах (закон № 2010-1192). Комитет считает, что упомянутые законы ущемляют свободу внешнего выражения своей религии или убеждений, что они в первую очередь ущемляют права лиц, принадлежащих к некоторым религиям, и девочек-подростков. Комитет также обеспокоен тем, что усугубляющее воздействие, оказываемое данными законами на ощущение отверженности и маргинализации среди определенных групп населения, может идти вразрез с поставленными целями (статьи 18 и 26)» (пункт 22 Заключительных замечаний по пятому периодическому докладу Франции).

относится к ее свободе исповедовать свою религию, что отказ разрешить ей пройти обучение в головном платке представлял собой ограничение этой свободы. Комитет пришел к заключению: запрет, наложенный на автора, являлся ограничением в осуществлении ее права на свободу исповедовать свою религию (пункт 8.3 Соображений).

Комитет должен был определить, соответствует ли ограничение свободы автора исповедовать свою религию и убеждения, предусмотренной пунктом 1 статьи 18 Пакта, критериям пункта 3 статьи 18 Пакта, то есть установлено ли оно законом и является ли оно необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц (пункт 8.4 Соображений).

Комитет должен был определить, можно ли считать ограничение, наложенное на автора, установленным законом согласно пункту 3 статьи 18 Пакта. Из этого возникает формальное требование законности, аналогичное требованию, содержащемуся в других статьях Пакта (пункт 8.5 Соображений).

В данном случае Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что наложенное в отношении нее ограничение не было предусмотрено законом, поскольку Закон от 15 марта 2004 года, в соответствии с которым было установлено такое ограничение, распространялся на учащихся начальных, средних и старших классов государственных школ, но не на нее. Государство-участник признало: Закон от 15 марта 2004 года не распространялся на автора, но сочло, что соответствующее ограничение было предусмотрено законом, содержащимся в заключении Государственного совета от 27 ноября 1989 года и в его решении от 2 ноября 1992 года, в которых он указал, что осуществление свободы исповедовать свою религию может быть ограничено, когда оно может привести к нарушению требований в отношении функционирования органов государственного аппарата, что, по мнению Государственного совета, имеет место в четырех случаях⁹. Комитет отметил, что ни в решении Административного суда Мелёна, ни в решении Апелляционной палаты Парижского административного суда не упоминалось

⁹ «По вопросу о свободе учащихся исповедовать свою религию Государственный совет вынес 27 ноября 1989 года заключение, а затем решение 2 ноября 1992 года, в которых он указал, что принцип светскости предполагает «предоставление образования таким образом, чтобы, с одной стороны, соблюдался нейтралитет посредством учебных программ и преподавателей, а с другой учащимся гарантировалась свобода совести». Таким образом, Государственный совет признает свободу учащихся носить религиозную символику, но эта свобода не является абсолютной. Эта свобода не должна осуществляться в ущерб «преподавательской деятельности, учебной программе и обязанности регулярно посещать занятия» и поэтому может быть ограничена, когда она подрывает требования в отношении надлежащего функционирования органов государственного аппарата, что, по мнению Государственного совета, *имеет место в четырех случаях*:

- a) когда исповедание религии представляет собой акт давления, провокации, прозелитизма или пропаганды;
- b) когда исповедание религии может ущемить достоинство, плюрализм или свободу ученика или любого члена образовательного сообщества либо создать угрозу для их здоровья и безопасности;
- c) когда исповедание религии может подорвать учебный процесс или воспитательную роль преподавателей;
- d) когда исповедание религии может нарушить установленный порядок в учреждении или надлежащее функционирование органов государственного аппарата» (пункт 5.4 Соображений).

вышеуказанное решение Государственного совета, хотя частично воспроизводилось его содержание. Административный суд и Апелляционная палата пришли к выводу, что ограничение свободы ношения знаков отличия, с помощью которых обозначается принадлежность к определенной религии, вытекает из принципа светскости, предусмотренного статьей 10 Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года и статьей 1 Конституции Франции. Комитет отметил, что в решениях по данному делу не была обозначена никакая другая непосредственно применимая норма (пункт 8.6 Соображений).

Комитет принял к сведению: в вышеупомянутых судебных решениях, в которых приводилась та же аргументация, что и в решении Государственного совета от 2 ноября 1992 года, на основе двух вышеизложенных положений определяются ситуации, при которых свобода исповедовать свою религию может быть ограничена, и делается вывод о том, что случай автора подпадает под одну из этих ситуаций, а именно: когда проявление такой свободы привело бы к нарушениям в учебном процессе. Комитет далее отметил, что содержание этих двух статей, которые являются нормами крайне широкого применения, не вполне достаточно четко сформулировано, чтобы дать лицу возможность соответствующим образом следить за своим поведением или предоставить лицам, которым поручено их осуществление, достаточные руководящие указания для того, чтобы они могли определить, на какие формы исповедания своей религии или убеждений установлены должны ограничения, а на какие – нет. Комитет принял к сведению информацию, которая была представлена автором и не была оспорена государством-участником, о том, что норма, которая, как представляется, вытекает из этих двух положений, по-разному интерпретируется различными лицами, ответственными за правоприменение, поскольку существуют другие образовательные центры, аналогичные тому, о котором идет речь в настоящем деле, где администрация пришла к заключению, что применимый закон предоставляет слушательницам курсов повышения квалификации право носить исламский хиджаб, о чем свидетельствовало сообщение директора колледжа им. Холлерита и показания двух женщин, представленные автором (пункт 8.7 Соображений).

Комитет указал, что статья 10 Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года гласит: «Никто не должен подвергаться притеснениям за свои убеждения, даже религиозного характера, при условии, что их выражение не нарушает установленный законом общественный порядок». Статья 1 Конституции Франции предусматривает: «Франция является неделимой, светской, демократической и социальной республикой». Она обеспечивает равенство перед законом всем гражданам независимо от происхождения, расы или религии. Она уважает все вероисповедания. Ее устройство является децентрализованным» (пункт 8.7 Соображений).

Комитет сделал вывод о том, что ни решения Государственного совета, на которые ссылается государство-участник, ни положения Конституции Франции и Декларации прав человека и гражданина недостаточно четко

сформулированы, чтобы дать лицу возможность соответствующим образом следить за своим поведением или предоставить лицам, которым поручено их осуществление, достаточные руководящие указания для того, чтобы они могли определить, на какие формы исповедания своей религии или убеждений установлены должные ограничения, а на какие – нет. Следовательно, Комитет пришел к заключению, что ограничение, наложенное на автора, не было предусмотрено законом по смыслу пункта 3 статьи 18 Пакта (пункт 8.8 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что ограничение, наложенное на автора, было направлено на достижение законной цели – защиты прав и свобод других лиц и охраны общественного порядка, поскольку это ограничение было необходимо для надлежащего функционирования учебного заведения, с учетом «сосуществования в одном учреждении школьников и лиц, проходящих повышение квалификации, в отношении которых действуют разные правила, что создает опасность нарушения общественного порядка». Таким образом, логика заключалась в том, что закон, применяемый к школьникам, должен применяться и к автору, чтобы избежать волнений, которые нарушат надлежащее функционирование учебного заведения. Комитет отметил, что автор представила не оспоренные государством-участником свидетельства о том, что другие девушки могли проходить курсы повышения квалификации и при этом носить исламский хиджаб и контактировать с учащимися старших классов, на которых распространяется ограничение, введенное Законом от 15 марта 2004 года, и это не привело ни к каким нарушениям общественного порядка и не препятствовало надлежащему функционированию соответствующего учреждения. С учетом того, что, с одной стороны, не было приведено никаких примеров нарушения общественного порядка или воспрепятствования надлежащему функционированию учебного заведения, а, с другой стороны, Комитет уже пришел к заключению, по крайней мере по одному делу, что применение Закона от 15 марта 2004 года, который в данном случае применяется к ученикам, с которыми автор должна сосуществовать, представлял собой нарушение статьи 18 Пакта, Комитет сделал вывод о том, что не было продемонстрировано, что наложенное ограничение было необходимо для охраны общественного порядка или основных прав и свобод других лиц (пункт 8.9 Соображений).

Комитет резюмировал: наложенное на автора ограничение, запрещающее ей посещать курсы повышения квалификации в головном платке, представлял собой ограничение ее свободы религии в нарушение статьи 18 Пакта (пункт 8.10 Соображений).

Комитет принял к сведению заявление автора о нарушении статьи 26 Пакта, поскольку, по ее мнению, она была лишена доступа к своему обучению на основании, связанном с ее религией и религиозными убеждениями. Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что вышеупомянутая норма не является дискриминационной, поскольку она не направлена против представителей

какой-либо конкретной религии или какого-либо пола (пункт 8.11 Соображений).

Комитет отметил, что цель наложенного на автора ограничения заключалась в том, чтобы путем распространения на нее действия Закона от 15 марта 2004 года избежать ситуации неравенства с учащимися старших классов. Комитет подчеркнул, что, согласно публикации министерства народного образования, проведение различия между «выраженной» или «явной» религиозной символикой и другой символикой в наибольшей степени отражается на мусульманских женщинах, носящих исламский хиджаб. Комитет пришел к выводу: применение Закона от 15 марта 2004 года к автору как к мусульманке, сознательно носящей головной платок, представляло собой дифференцированное обращение (пункт 8.13 Соображений).

Комитет должен был решить, направлено ли дифференцированное обращение с автором на достижение законной цели, предусмотренной Пактом, и соответствует ли оно критериям разумности и объективности. Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что хотя действительно могут отмечаться различия в обращении с лицами, не желающими исповедовать свою религию или исповедующими ее таким образом, который согласуется с надлежащим функционированием учреждения и поддержанием порядка в учреждении, и лицами, исповедующими свою религию несовместимым с этими элементами образом, такое дифференцированное обращение основано на разумных и объективных критериях и поэтому не может считаться косвенной дискриминацией по смыслу статьи 26 Пакта. Комитет отметил: из-за такого дифференцированного обращения автор не смогла пройти курс повышения квалификации, на который она была зачислена. Установив, что такой запрет не предусмотрен законом и не направлен на достижение какой-либо законной цели согласно Пакту, Комитет пришел к выводу: такое дифференцированное обращение не направлено на достижение законной цели согласно Пакту и не соответствовало критериям разумности и объективности. Комитет пришел к заключению – отказ в допуске автора к ее учебным занятиям в случае ношения ею головного платка представлял собой перекрестную дискриминацию по признакам пола и религии в нарушение статьи 26 Пакта (пункт 8.14 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником статей 18 и 26 Пакта (пункт 9 Соображений).

*вопросы административного выдворения*¹⁰

практика Комитета ООН против пыток¹¹

Дело «*Т.Б. против Швейцарии*». Решение Комитета против пыток от 22 апреля 2022 года. Сообщение № 862/2018¹². Комитет установил, что у заявителя имелись все возможности для обоснования и уточнения своих жалоб на национальном уровне, но представленные им аргументы не позволили национальным органам прийти к выводу, что по возвращении в Эфиопию его могут подвергнуть пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Кроме того, заявитель не доказал, что органы власти государства-участника не провели надлежащего расследования в отношении его утверждений. С точки зрения Комитета, высылка заявителя в Эфиопию государством-участником не будет представлять собой нарушения статьи 3 Конвенции.

Правовые позиции Комитета: при оценке опасности¹³ Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, вытекающие из пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли данному лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность

¹⁰ Для сведения: в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения* (по состоянию на 1 августа 2018 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/27085/.

¹¹ Комитет ООН против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года (далее – Конвенция). Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

Для сведения: в 2022 году в Верховном Суде Российской Федерации было актуализировано (по состоянию на 1 декабря 2022 года) *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2022 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrif.ru/documents/international_practice/31960/.

¹² Как усматривалось из текста Решения, автор утверждал, что государство-участник нарушило его права, предусмотренные пунктом 2 статьи 2, статьей 12 и пунктом 2 статьи 14 Пакта. Что касается статьи 12 Пакта, то государство-участник запретило автору покидать его территорию и обязало его являться в полицию два раза в неделю в течение четырех месяцев. Последующее назначение залога сроком на пять месяцев также ограничило свободу передвижения автора, поскольку он лишился бы части или всего залога, если бы не явился в правоохранительные органы, как это требовалось. Автор заявил, что государство-участник нарушило его права, предусмотренные пунктом 2 статьи 14 Пакта, поскольку он «будучи невиновным после прекращения предварительного расследования, но при этом оставался частично наказанным посредством ограничения свободы передвижения». Автор утверждал, что в нарушение его права на эффективное средство правовой защиты в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Пакта государство-участник так и не возместило ему ущерб, причиненный в связи с указанными мерами, несмотря на то, что он был признан невиновным (пункты 3.1- 3.3 Решения).

¹³ Угроза применения пыток, иного недопустимого обращения после возвращения автора сообщения в Эфиопию.

подвергнуться пыткам в стране, в которую это лицо подлежит возвращению. Следовательно, наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. С другой стороны, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает того, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом конкретных обстоятельств его дела (пункт 7.3 Решения).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 4 (2017), согласно которому обязательство по невозвращению возникает каждый раз, когда есть «серьезные основания» полагать, что то или иное лицо может подвергнуться пыткам в государстве, куда оно должно быть выслано, либо в личном качестве, либо в качестве члена группы, которому угрожает опасность подвергнуться пыткам в государстве назначения. Комитет напоминает, что «серьезные основания» существуют всякий раз, когда опасность пыток является «предсказуемой, личной, существующей и реальной». К признакам личной опасности могут относиться, в частности:

- a) этническое происхождение и религиозная принадлежность заявителя;
- b) предыдущее применение пыток;
- c) содержание под стражей без связи с внешним миром или другие формы произвольного и незаконного содержания под стражей в стране происхождения;
- d) политическая принадлежность или политическая деятельность заявителя;
- e) арест и/или задержание без гарантии справедливого обращения и судебного разбирательства;
- f) нарушения права на свободу мысли, совести и религии; и
- g) тайное бегство из страны происхождения из-за угроз применения пыток (пункт 7.4 Решения).

Комитет напоминает, что бремя доказывания возлагается на заявителя, который должен представить аргументированное изложение дела, то есть представить обоснованные аргументы, показывающие, что опасность подвергнуться пыткам является *предсказуемой, существующей, личной и реальной*. Однако в том случае, если заявители находятся в ситуации, когда они не могут представить более подробной информации по своему делу, например, когда они доказали, что не имеют возможности получить документацию, касающуюся их утверждений в отношении пыток, либо лишены свободы, бремя доказывания возлагается на противоположную сторону и расследовать утверждения, проверять информацию, которые лежат в основе жалобы, надлежит соответствующему государству-участнику. Комитет в значительной степени опирается на выводы по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-

участника; тем не менее он не считает себя связанным такими заключениями. Комитет будет осуществлять свободную оценку имеющейся у него информации в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции, принимая во внимание все обстоятельства, относящиеся к каждому делу (пункт 7.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: исследуя вопрос о наличии риска применения пыток в данном деле, Комитет принял к сведению утверждение заявителя о том, что ему грозило обращение, противоречащее статье 3 Конвенции, в случае его возвращения в Эфиопию в связи с его политической деятельностью в Эфиопии и в Швейцарии в качестве члена «Гинбот себат» и Эфиопской целевой группы по правам человека и демократии (Швейцарии), включая организацию их собраний и демонстраций и участие в них. Комитет также учел утверждения заявителя о том, что до бегства из Эфиопии он находился в тюрьме и подвергался различным формам жестокого обращения. Комитет также обратил внимание на то, что определение степени доверия со стороны швейцарских органов по предоставлению убежища было ошибочным и что любые предполагаемые расхождения в его заявлениях объяснялись тем, что третье собеседование было проведено почти через четыре года после первого предварительного собеседования (пункт 7.6 Решения).

Комитет отметил, что власти государства-участника сочли – утверждения заявителя о его политической деятельности в Эфиопии были краткими, расплывчатыми и поверхностными. Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что заявитель смог лишь в самых общих чертах описать пытки, которые, как утверждалось, применялись во время его содержания под стражей в 2005 году, не предоставив никаких подробностей или доказательств относительно самого задержания и жестокого обращения, которому он подвергся после неудачной попытки бежать из страны в 2005 году. Комитет отметил, что в отношении политической деятельности заявителя в Швейцарии государство-участник не исключило – заявитель присутствовал на конференциях, проводимых оппозицией, что он был знаком с высокопоставленными членами и что его фотографировали вместе с ними. Однако ввиду противоречий в рассказе заявителя и отсутствия более точной информации о его деятельности и контактах, Комитет пришел к выводу, что политическая деятельность заявителя в Швейцарии была слишком незначительной, чтобы можно было утверждать – ему лично угрожала непосредственная и серьезная опасность подвергнуться пыткам в случае его высылки в Эфиопию (пункт 7.7 Решения).

В отношении утверждения заявителя о том, что многие члены «Гинбот себат» и другие диссиденты были арестованы и задержаны в Эфиопии, что «Гинбот себат» была включена эфиопскими властями в список террористических организаций и некоторые ее члены были приговорены к смертной казни, Комитет отметил, что в июне 2018 года «Гинбот себат» объявила, что отказывается от вооруженной борьбы против правительства Эфиопии в результате планируемых им реформ. Кроме того, в том же году

правительство Эфиопии исключило «Гинбот себат» из списка террористических организаций, а президент Эфиопии помиловал генерального секретаря «Гинбот себат» и освободил его из-под стражи (пункт 7.8 Решения).

Комитет напомнил, что он должен был определить, угрожает ли заявителю в настоящее время опасность подвергнуться пыткам в случае его высылки в Эфиопию. Комитет установил: у заявителя имелись все возможности для обоснования и уточнения своих жалоб на национальном уровне, но что представленные им аргументы не позволили национальным органам прийти к выводу: по возвращении в Эфиопию его могут подвергнуть пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Комитет отметил – заявитель не представил никакой новой информации или подробностей в ходе рассмотрения его второго ходатайства о предоставлении убежища в связи с его утверждениями о пытках в прошлом или деятельности в стране пребывания, несмотря на то, что это отсутствие содержания было специально отмечено Государственным секретариатом по вопросам миграции в его промежуточном решении от 17 октября 2017 года (пункт 7.9 Решения).

Комитет обратил внимание на то, что заявитель не представил никаких доказательств в отношении своего предыдущего ареста или жестокого обращения в Эфиопии и не смог продемонстрировать, что эфиопские власти разыскивают его на основании прошлых событий или по какой-либо другой причине. Из материалов, содержащихся в деле, следовало – он даже не связался со своей семьей, друзьями или другими активистами, чтобы выяснить, существует ли такой интерес со стороны эфиопских властей (пункт 7.10 Решения).

Комитет пришел к выводу, что возвращение заявителя в Эфиопию не создаст для него реальную, предсказуемую, личную и настоящую опасность подвергнуться пыткам. Кроме того, заявитель не доказал, что органы власти государства-участника не провели надлежащего расследования в отношении его утверждений (пункт 7.11 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя в Эфиопию не будет представлять собой нарушения статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

В сфере семейно-правовых отношений

*вопросы реализации судами положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах похищения детей от 25 октября 1980 года*¹⁴

практика Комитета ООН по правам ребенка¹⁵

Дело «*Н.Е.Р.А. против Чили*». Соображения Комитета по правам ребенка от 1 июня 2022 года. Сообщение № 121/2020¹⁶. По мнению Комитета, решение Верховного суда Чили о возвращении Х.М. (сына автора сообщения) в Испанию во исполнение положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей не соответствовало условию, вытекающему из его права на первоочередной учет его наилучших интересов, в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23.

¹⁴ Для сведения: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища.*

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28123/.

¹⁵ Комитет ООН по правам ребенка действует на основании Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года (далее - Конвенция). Российская Федерация является государством-участником указанной Конвенции в качестве государства – продолжателя Союза ССР. Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 года, Комитет наделен компетенцией получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции, Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятые Резолюцией № 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН. По состоянию на 1 февраля 2023 года Российская Федерация не являлась участником Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры подачи сообщений.

¹⁶ Как усматривалось из текста Соображений, автор сообщения утверждала, что, приняв решение о возвращении ее ребенка в Испанию, государство-участник нарушило ее права по статьям 3, 9, 11 и 23 Конвенции по правам ребенка. В отношении статьи 3 Конвенции автор сообщения напомнила, что концепция обеспечения наилучших интересов ребенка является основным правом, принципом толкования норм права и правилом процедуры. Автор сообщения подчеркнула особую уязвимость ее сына, у которого диагностирован аутизм. Она утверждала, что конкретно в его деле Верховный суд не рассмотрел обстоятельств наилучшего обеспечения интересов ребенка и не придавал им должного значения, поскольку, как указано в его постановлении, он основывал свое решение исключительно на Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а не на соблюдении по форме и по существу принципа, закрепленного в статье 3 Конвенции. В отношении статьи 9 Конвенции автор утверждала, что из-за аутизма Х.М. (сын автора) его разлучение с матерью будет иметь серьезные и потенциально необратимые последствия для его психического здоровья. В отношении статьи 11 Конвенции автор сообщения утверждала, что государство-участник не должно было передавать ребенка в государство, если имеются разумные основания полагать, что ему будет угрожать реальная опасность причинения непоправимого вреда. Автор также утверждала, что в нарушение статьи 23 Конвенции Верховный суд не принял должным образом во внимание состояние Х. М., у которого в раннем возрасте был диагностирован аутизм и который получает медицинскую помощь в Чили. Его перемещение в Испанию на практике приведет к разлуке с матерью, являющейся его основным опекуном, с которой он чувствует себя в безопасности и установил самые крепкие эмоциональные связи (пункты 3.1- 3.4 Соображения).

Правовые позиции Комитета: рассмотрение фактов и доказательств и толкование норм национального законодательства входит в компетенцию национальных органов, за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение или толкование является очевидно произвольным или равносильным отказу в правосудии. Комитет считает, что в случаях международного возвращения детей и подростков роль Комитета заключается не в том, чтобы решать, была ли правильно истолкована или применена национальными судами Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а в том, чтобы обеспечить соответствие такого толкования или применения обязательствам, установленным Конвенцией о правах ребенка (пункт 7.4 Соображения).

Комитет напоминает: согласно пункту 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка, государства-участники должны обеспечить первоочередной учет наилучших интересов ребенка во всех действиях или решениях, предпринимаемых в отношении детей государственными учреждениями. Комитет также обращает внимание на то, что решение о возвращении ребенка в другую страну является «действием» по смыслу статьи 3 Конвенции. Комитет подчеркивает, что наилучшие интересы ребенка должны быть «скорректированы и определены на индивидуальной основе в соответствии с конкретной ситуацией ребенка... с учетом его личного контекста, положения и потребностей»¹⁷ (пункт 8.2 Соображения).

Комитет отмечает, что Конвенция о правах ребенка должна толковаться в соответствии с общими принципами международного права. При любом таком толковании необходимо должным образом учитывать контекст применения Конвенции, который, согласно подпункту «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, включает «любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами», и, в частности, нормы, касающиеся международной защиты прав человека. Относительно международного похищения детей Конвенция о правах ребенка должна толковаться с учетом обязательств государств-участников по Гаагской конвенции, тем более что, как признает государство-участник, в соответствии со статьей 11 Конвенции о правах ребенка государства-участники должны принимать меры против незаконного вывоза и удержания детей за границей, в том числе путем присоединения к таким соглашениям, как Гаагская конвенция¹⁸ (пункт 8.3 Соображения).

Комитет признает сложность и разнообразие обстоятельств, которые могут возникнуть в каждом конкретном случае, а также тот факт, что цели Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а именно: предотвращение похищения детей и их немедленное возвращение, направлены на обеспечение защиты наилучших

¹⁷ См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 14 (2013), пп. 17 и 32.

¹⁸ См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 5 (2003), приложение I.

интересов ребенка¹⁹. Комитет отмечает, что Гаагская конвенция устанавливает твердую презумпцию того, что обеспечение наилучших интересов ребенка означает его немедленное возвращение. Однако эта презумпция может быть опровергнута исключениями, установленными в статьях 12, 13 и 20 Гаагской конвенции, в соответствии с которыми в каждом конкретном случае требуется определение того, будет ли в действительности такое возвращение вступать в явное противоречие с обеспечением наилучших интересов ребенка. В таких случаях наилучшие интересы ребенка по смыслу статьи 3 Конвенции о правах ребенка являются основным соображением при принятии решения о возвращении. Комитет отмечает, что вышесказанное не означает, что решение о международном возвращении ребенка, принятое национальным судом исключительно на основании Гаагской конвенции, в обязательном порядке обеспечивает соблюдение обязательств государства-участника по Конвенции о правах ребенка. В частности, поскольку право ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы учитывались в первую очередь, предполагает применение процессуальных гарантий и толковательных стандартов, нельзя просто заявить, что все решения национальных судов, принятые исключительно на основании Гаагской конвенции, неизбежно приведут к соблюдению статьи 3 Конвенции о правах ребенка. Именно национальные суды должны обеспечить соблюдение стандартов статьи 3 Конвенции о правах ребенка в каждом решении, в котором применяются или используются исключения, предусмотренные статьями 12, 13 и 20 Гаагской конвенции (пункт 8.4 Соображения).

Комитет считает, что при принятии решений по делам о международном похищении детей национальные суды должны, во-первых, эффективно оценивать факторы, которые могут составлять исключение из обязательства немедленно вернуть ребенка (согласно статьям 12, 13 и 20 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей), в частности, когда такие факторы поднимаются одной из сторон разбирательства, а также принимать достаточно обоснованное решение по этому вопросу. Во-вторых, такие факторы должны оцениваться с учетом обеспечения наилучших интересов ребенка. Комитет подчеркивает – второе условие в значительной степени зависит от фактических определений, которые, как правило, относятся к юрисдикции национальных судов. Комитет отмечает: учитывая, что Гаагская конвенция призвана обеспечить справедливый баланс между стандартом, устанавливающим презумпцию в пользу международного возвращения ребенка, и факторами, которые в определенных случаях могут сделать такое возвращение противоречащим наилучшим интересам ребенка, представляется маловероятным, что надлежащее соблюдение вышеупомянутых процедурных гарантий приведет к существенному нарушению статьи 3 Конвенции (пункт 8.5 Соображения).

¹⁹ Среди прочего, Гаагская конвенция направлена на защиту права детей не быть незаконно вывезенными или удержанными, на то, чтобы решение об опеке или попечительстве принималось судьей по месту их обычного проживания, на поддержание регулярных контактов с обоими родителями и их семьями и на быстрое разрешение просьбы о возвращении. См. Пояснительный доклад докладчика по Гаагской конвенции, пп. 11 и 24–25.

Комитету известно, что целью Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей является возвращение детей в страны их обычного проживания, чтобы в случае необходимости вопросы опеки и защиты детей решались в данной юрисдикции. Он также отмечает, что решения о возвращении должны приниматься в оперативном порядке с целью обеспечения надлежащего восстановления нормального положения ребенка и практических гарантий осуществимости возвращения, во избежание искажения цели и объекта Гаагской конвенции²⁰. В связи с этим Комитет считает, что в соответствии с принципом обеспечения наилучших интересов ребенка следует придерживаться строгого толкования исключений из обязательства вернуть ребенка, установленных в Гаагской конвенции. От национальных судей, призванных применять Гаагскую конвенцию, нельзя требовать такого же уровня изучения наилучших интересов ребенка, как и от судей, призванных принимать решения об опеке, порядке посещения или других связанных с этим вопросов, особенно в случае отсутствия доступа первого из вышеупомянутых судей к тем же доказательствам и информации, что и судей страны обычного проживания. Тем не менее судья, выносящий решение о возвращении, должен оценить с учетом ограниченных исключений, установленных в Гаагской конвенции, и в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции о правах ребенка степень, в которой возвращение может нанести ребенку физический или психологический ущерб или иным образом будет явно противоречить его наилучшим интересам (пункт 8.6 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: принят к сведению аргумент автора сообщения о том, что в своем решении Верховный суд неправильно применил концепцию обеспечения наилучших интересов ребенка как по форме, так и по существу. Во-первых, Комитет счел, что рассмотрение этого утверждения не означало взятие им на себя роли апелляционного органа или пересмотр толкования судами норм национального законодательства, действующих в государстве-участнике; скорее, это могло означать рассмотрение вопроса о соответствии внутренних решений обязательствам государства-участника по Конвенции о правах ребенка согласно статье 5 Факультативного протокола. Во-вторых, Комитет отметил, что, поскольку принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции о правах ребенка, налагает как процедурные, так и материальные обязательства, то в компетенцию Комитета входит проверка соответствия этим обязательствам аргументации, лежащей в основе решений, принятых национальными судами. В-третьих, Комитет указал, что само существо утверждений автора сообщения заключается в определении объема обязательств государства-участника по Конвенции о правах ребенка в отношении решений, принятых на основе Гаагской конвенции (пункт 7.4 Соображения).

²⁰ См. Пояснительный доклад докладчика по Гаагской конвенции, п. 22.

Комитет принял к сведению аргумент автора сообщения о том, что решение о возвращении Х.М. (сын автора) в Испанию нарушит статьи 9 и 23 Конвенции о правах ребенка, поскольку его возвращение будет иметь серьезные и потенциально необратимые последствия для его психического здоровья, особенно с учетом его аутизма, поскольку это повлечет за собой его разлуку с матерью, которая является его основным опекуном и человеком, с кем у него установлены самые крепкие эмоциональные связи. Комитет отметил, что данные утверждения основаны на фактической предпосылке, сводящейся к тому, что возвращение Х.М. повлечет за собой его разлуку с матерью. Комитет напомнил, что в его функции, как правило, не входит установление или пересмотр вопросов фактов, определенных национальными судами. Однако, поскольку автор сообщения утверждал, что Верховный суд не уделил должного внимания ее возможному расставанию с Х.М. и тому влиянию, которое такое расставание окажет на ребенка ввиду его особой уязвимости, Комитет счел, что эти утверждения были достаточно обоснованы для целей приемлемости, поскольку они могут быть признаны равносильными нарушениям статьи 3 Конвенции о правах ребенка в совокупности со статьями 9 и 23 (пункт 7.5 Соображения).

Комитет признал приемлемыми утверждения автора согласно статье 3 Конвенции в совокупности со статьями 9 и 23, поскольку, возможно, наилучшие интересы Х.М. не были должным образом учтены, в частности в связи с его возможной разлукой с матерью и тем влиянием, которое это окажет на его психическое здоровье с учетом его аутизма (пункт 7.7 Соображения).

Комитет должен был определить, был ли учет наилучших интересов ребенка основным соображением согласно статье 3 Конвенции при принятии Верховным судом решения о возвращении Х.М. в Испанию в порядке применения Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (пункт 8.2 Соображения).

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что применение Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей непосредственно направлено на обеспечение выполнения его обязательства учитывать наилучшие интересы ребенка в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и поэтому нельзя утверждать, что Верховный суд не учел наилучшие интересы Х.М. (пункт 8.3 Соображения).

Рассмотрев первоначальный вопрос о стандарте, применяемом в соответствии со статьей 3 Конвенции о правах ребенка к случаям международного возвращения детей, Комитет должен был определить, в какой степени в конкретном случае с Х.М. в решении Верховного суда соблюдался этот стандарт. Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что все решения были должным образом обоснованы и мотивированы. Он также отметил, что после тщательного анализа доказательств и применимых стандартов Первый суд по семейным делам города Винья-дель-Мар, чье решение было позже подтверждено в апелляции,

согласно пункту «а» статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей отклонил ходатайство о возвращении Х.М. на основании того, что отец дал согласие на пребывание ребенка в государстве-участнике. Суд по семейным делам также отметил: следует уделить должное внимание тому факту, что возвращение Х.М. создаст для него «пагубную и вредную среду», особенно в свете его особой уязвимости из-за потенциальной разлуки с матерью, роль которой в жизни Х.М. особенно важна с учетом его состояния. Эти выводы стали частью анализа наилучших интересов ребенка в значении, предусмотренном Конвенцией о правах ребенка. Комитет отметил, что решением Верховного суда постановление суда по семейным делам было отменено на том основании, что доказанные факты не могли быть истолкованы как согласие отца сделать Чили местом постоянного проживания Х.М. Комитет отметил, что Верховный суд в своем решении указал: автор сообщения не доказала наличие серьезного риска в связи с запрошенным возвращением²¹ (пункт 8.7 Соображения).

Комитет счел, что решение Верховного суда не опровергло должным образом ряд элементов, установленных и включенных в решение суда первой инстанции, а также подтвержденных Апелляционным судом, которые имели значение для определения того, должен ли Х.М. быть возвращен в Испанию, прежде всего с учетом его особой уязвимости, вызванной аутизмом, а также его потенциальной разлуки с матерью, занимающей в его жизни важное место в связи с его состоянием. Вышесказанное тем более имело значение в связи с тем, что данным решением были опровергнуты выводы нижестоящих судов в отношении исключения, установленного в пункте «а» статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Несмотря на понимание того, что разлука, какой бы тяжелой она ни была для ребенка, автоматически не отвечает критерию серьезности риска, например, в свете требований пункта «b» статьи 13 Гаагской конвенции, необходимо было должным образом рассмотреть реальную возможность для родителя вернуться в страну обычного проживания ребенка и поддерживать с ним контакт, особенно в деле, подобном делу Х.М., учитывая описанные выше обстоятельства. В частности, особое внимание следовало уделить его юному возрасту на момент вынесения решения Верховным судом (три года), тому факту, что автор сообщения была особым лицом для Х.М. во время его лечения аутизма в государстве-участнике в течение предыдущих двух лет, а также тому, что в отношении автора был выдан ордер на арест в Испании. Комитет отметил: в решении Верховного суда говорится только о правах отца и ничего не говорится о правах или наилучших интересах Х.М. Соответственно, не вдаваясь в обсуждение оценки Верховным судом фактов и применимых стандартов, Комитет счел: отсутствие достаточной

²¹ Автор сообщения сослалась на исключение, предусмотренное пунктом «b» статьи 13 Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, на основании того, что предполагаемая зависимость отца (большую часть дня отец проводил в общении с незнакомыми людьми в Интернете) может подвергнуть опасности Х.М., утверждение, которое Верховный суд счел недоказанным.

аргументации в решении Верховного суда не позволило ему подтвердить, что суд эффективно оценил описанные выше факторы (пункт 8.8 Соображения).

Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что сфера действия сообщения не может быть сведена к решению Верховного суда, поскольку промежуточное слушание по исполнению постановления о возвращении было проведено в целях обеспечения безопасного возвращения ребенка в страну его обычного проживания и тем самым обеспечения его наилучших интересов, во избежание причинения ему непоправимого вреда. Комитет установил, что решение Верховного суда предписывало немедленное возвращение Х.М. в Испанию без указания условий, на которых должно состояться его возвращение. Комитет отметил, что промежуточное слушание, состоявшееся 6 ноября 2020 года, было ограничено исполнением постановления о возвращении и поэтому не могло исправить неспособность Верховного суда эффективно оценить факторы, которые могут представлять собой исключение из обязательства немедленно вернуть ребенка. Комитет счел, что суд, выносящий постановление о возвращении ребенка, на момент вынесения такого постановления должен быть уверен в том, что будут приняты все необходимые меры для его безопасного возвращения. Комитет отметил – решение о возвращении Х.М. в Испанию не соответствовало условию, вытекающему из его права на первоочередной учет его наилучших интересов, в нарушение пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23 (пункт 8.9 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 3 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьями 9 и 23 (пункт 8.10 Соображения).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами Организации Объединенных Наций, размещены по адресу:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.